

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0536.

Примечания

- 1 Розанов И. Литературные репутации. М., 1990. С. 16.
- 2 См.: Рейтблат А. Видок Фиглярин (история одной литературной репутации) // Вопр. литературы. 1990. № 3.
- 3 См.: Рейтблат А. Как Пушкин вышел в гении : Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
- 4 Там же. С. 52.
- 5 См., например: Маргулис Т. Литературная репутация Н. А. Полевого : автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997 ; Захарова М. Формирование литературных репутаций Б. А. Пильняка и Е. И. Замятина в советской публицистике 1920-х – 1930-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006 ; Краюшклина Н. Литературная репутация А. С. Пушкина в 1830-е г. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009 ; Трунин М. Литературная репутация М. Н. Лонгинова: 1850-е – 1870-е годы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- 6 Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стб. 553.
- 7 Никитина О. Биографические мифы о русских рок-поэтах. СПб., 2011. С. 11.
- 8 Подробнее см.: Магомедова Д. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1998.
- 9 Никитина О. Указ. соч. С. 13.
- 10 Филиппович П. Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Киев, 1917. С. 71.

- 11 Подробнее см.: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского : [1800–1844] / сост. А. М. Песков. М., 1998.
- 12 Холиков А. Писательская биография: жанр без правил // Вопр. литературы. 2008. № 6. С. 51.
- 13 См.: Максимов Н. Е. А. Баратынский по бумагам Пажеского с.и.в. корпуса // Русская старина. 1870. Т. 2. № 8.
- 14 См.: Баратынский Е. А. // Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского. СПб., 1896. Т. 3. С. 40–41.
- 15 Там же. С. 40.
- 16 Брюсов В. Баратынский Евгений Абрамович // Новый энциклопедический словарь. Пг., [Б. г.]. Т. 5. Стб. 173.
- 17 Там же. Стб. 174.
- 18 Благой Д. Баратынский Е. А. // Литературная энциклопедия : в 11 т. [М.], 1930. Т. 1. Стб. 335.
- 19 Вацуро В. Е. А. Баратынский // История русской литературы : в 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 380–392.
- 20 Голубков Д. Недуг бытия : роман, повесть, рассказ. М., 1987. С. 75.
- 21 Песков А. Истинная повесть. М., 1990. С. 92.
- 22 Лебедев Е. Тризна : Книга о Е. А. Боратынском. М., 1985. С. 23.
- 23 Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (От начала русской образованности до наших дней). СПб., 1891. Т. 2. Вып. 22–30. С. 132–133.
- 24 Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского : [1800–1844]. С. 14.
- 25 Селезнев М. Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. С. 35.
- 26 Там же. С. 36.
- 27 Там же. С. 37.

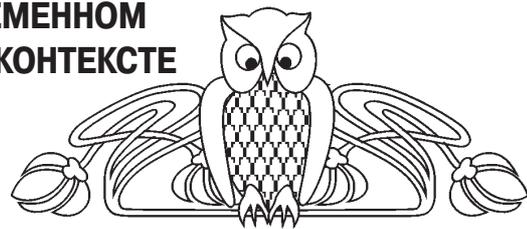
УДК 821.161.1–21.09+929Писемский

РИСК НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ. ДРАМА А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ВETERAN И НОВОБРАНЕЦ» (1854) В СОВРЕМЕННОМ ЕМУ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ И В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ АВТОРА

О. В. Тимашова

Саратовский государственный университет
E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Статья содержит впервые проведенный целостный анализ одной из наименее исследованных ранних драм А. Ф. Писемского – «Ветеран и новобранец» – в контексте развития эстетики драматурга и в сопоставлении с современной ей журнальной беллетристической времен начала Крымской кампании. Приводятся аргументы в пользу того, что пьеса Писемского представляет собой явление, выходящее по художественным достоинствам из рамок драматической беллетристики. Доказывается также, что «Ветеран и новобранец» занимает особое место в ранней драматургии Писемского как по историческому масштабу изображаемых событий, так и по творческой задаче драматурга: показать положительных героев.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, индивидуальные особенности, «Ветеран и новобранец. Драматический случай из 1854 года», журнальная беллетристика, Крымская кампания.

Risk at War Front and in the Rear Areas. Drama by A. F. Pisemsky «Old-timer and New Recruit» (1854) in Its Contemporary Literary and Journalistic Context and in the Creative Biography of the Author

O. V. Timashova

The article contains a first-held comprehensive analysis of one of the less researched early dramas by A. F. Pisemsky «Old-timer and

New Recruit» in the context of the development of the playwright's aesthetics, juxtaposing it to its contemporary journal belles-lettres of the start of the Crimean campaign. Arguments are presented in favour of Pisemsky's drama being a phenomenon that goes beyond the limits of drama belles-lettres by its aesthetic merits. It is proved that «Old-timer and New Recruit» has a special place in the early creative work by Pisemsky by the historic scale of the events described as well as by the artistic task of the playwright, aiming at showing good characters.
Key words: A. F. Pisemsky, individual peculiarities, «Old-timer and New Recruit. A Dramatic Case of 1854», journal belles-lettres, Crimean campaign.

Отсылая новую пьесу «Ветеран и новобранец. Драматический случай из 1854 года» в журнал «Отечественные записки» из родной Костромской губернии, Алексей Феофилактович Писемский (1821–1881) подчеркивает жизненную достоверность ее содержания: «...Она (драма. – О. Т.) выхвачена мною из жизни, которую теперь живут наши провинции»¹. Другим достоинством своего произведения автор считает его созвучие происходящим историческим событиям начала Крымской кампании: «Интерес ее (драмы. – О. Т.) современный... <...> Как, я думаю, наэлектризован (так. – О. Т.) Петербург настоящим <...> и какие великие <...> предначертываются события...»²

Этими двумя аспектами можно объяснить, что «Ветеран и новобранец» оказалась единственной драмой Писемского, не встретившей препятствий в цензуре. Законченная, как гласит авторское указание, «8-го мая 1854г.»³ в сельце Раменье Костромской губернии, она появилась уже в сентябрьском номере журнала «Отечественные записки»⁴. А в декабре того же года драма Писемского с успехом была поставлена на сцене.

Причем в «Ветеране и новобранце» оказались задействованы практически все первоклассные таланты петербургского театра, намеченные самим Писемским: «...Полковник – Самойлов, жена его – Сосницкая, солдат – Григорьев, Александр – Максимов, Макар Макарыч – Мартынов, Власий Матвейч – Каратыгин». При подборе актерского ансамбля драматурга заботила в первую очередь безыскусно реалистическая манера игры: «Не вздумали бы <...> полковника дать <...> записному трагику, я решительно <...> протестую...»⁵

Несмотря на очевидный сценический и читательский успех, мнения критики о новой пьесе разошлись. Представитель «Отечественных записок» характеризует драму Писемского как одну из лучших «военных» пьес и указывает на главное ее достоинство, состоящее в простоте языка и скупости психологического рисунка: «Все эти лица (действующие. – О. Т.) говорят просто и ясно»⁶. «Москвитянин» высказал противоположное мнение о пьесе Писемского. «Патриотическая мысль, лежащая в его («Ветерана и новобранца». – О. Т.) основе, достойна всякого уважения и сочувствия»⁷, – оговаривался рецензент. Однако с началом войны журналы переполнены такого рода

патриотическими произведениями с «претензией на литераторство»: «Дряхлые ветераны, оживающие при воспоминаниях о своих прежних победах, отставные унтер-офицеры, вновь готовые <...> на подвиги бранные» – всё это «не раз и с успехом было выводимо»⁸.

Полемика современной автору критики не была продолжена; несмотря на заявленный исторический масштаб драмы «из 1854 года», она никогда не рассматривалась в литературно-публицистическом контексте названного периода. В составе драматургического наследия раннего этапа творчества Писемского «Ветерану и новобранцу» также отводится весьма скромное место; исследователи, ссылаясь на воспоминания автора, указывают на автобиографический характер отдельных лиц пьесы⁹. Подобного мнения придерживаются западные исследователи¹⁰. Остается добавить, что пьеса на протяжении всего XX столетия не была переиздана.

Цель нашего исследования – разрешить вопросы общей и индивидуальной поэтики «Ветерана и новобранца»; дополнить представления о месте в современной беллетристике и в творческой эволюции Писемского единственной его пьесы, написанной о войне и ее риске.

С началом «великих событий» каждое крупное издание стремилось держать своего читателя в курсе происходящего и распространило на изложение дел Крымской кампании собственную программу и манеру извещения. «Москвитянин» выносит в преамбулу рубрику «Духовные речи», в которой печатаются проповеди церковных иерархов по случаю сбора ополчения или другим, объединяющим русскую публику в веру в царя и Отечество, поводам. Рассказы очевидцев «с переднего края» помещал «Современник». Он отбирал повествования, обладающие известными литературными достоинствами; вершиной стали три репортажа из Севастополя офицера Л. Н. Т...

Интерес современного исследователя к журналу «Отечественные записки», где в тот период сотрудничал Писемский, привлекает его новая, можно сказать, «военная» программа. Редакторы А. А. Краевский и А. Д. Галахов увидели задачу в том, чтобы зафиксировать голоса «людей всех пластов общества и званий» (ОЗ. 1854. № 1–2. Отд. 7. С. 136). Помимо профессионалов, журнал охотно предоставляет свои страницы любительской поэзии и драме. «Война <...> и патриотическое воодушевление вызвало много прекрасных стихов...» (ОЗ. 1854. № 3–4. Отд. 7. Петербургские заметки. С. 71), – замечает его корреспондент, например, по поводу «Русской песни» А. Л. Неваховича («Вооружимся все – за родину, за честь, / <...> – / И вздрогнет целый мир, / Когда раздастся весть / О славных подвигах великого народа...»).

Редакция не заблуждалась относительно художественной ценности этого и подобных творений и ценила в них первые робкие попытки ввести в беллетристику гражданские темы, по-

казать, «как <...> должна быть связана поэзия с <...> проявлениями народной жизни» (ОЗ. 1855. № 3–4. Отд. 7. Петербургские заметки. С. 103). «Отечественные записки» оговаривались, что их предложения носят рекомендательный характер: «Какая <...> должна быть поэзия – мы не знаем» (Там же). Безусловным для них являлось «одно»: национальная лирика уже сформировалась («стих наш с Пушкиным достиг совершенства»), теперь прозе и драме не хватает глубины и оригинальности «содержания» (Там же). Война, по мнению критиков «Отечественных записок», должна помочь авторам «выйти из очарованного круга обыкновенной любви» (ОЗ. 1855. № 2. Отд. 7. Петербургские заметки. С. 172), придать словесности недостающую глубину; и ради нее стоило пожертвовать искусством отделки.

Из произведений о войне профессиональных литераторов на страницах «Отечественных записок» заявленной задаче наиболее соответствовало стихотворение друга Писемского, Аполлона Майкова, «Клермонский собор» (ОЗ. 1854. № 3–4. Отд. 7. С. 175–182). Поэт путем исторических аналогий сумел выразить в нем глубинные переживания русской интеллигенции первого периода войны, ее толкования исторических причин и смысла начавшейся кампании. Прежде всего, это разрыв с западными соседями, не протянувшими в этот символический миг борьбы веру руку помощи христианам, как это было во времена крестовых походов: «За что же западные братья / Ей (России. – О. Т.) шлют не ласку, не привет?». Причиной называется страх за усиление России, ее грядущую славу и вес в мире: «...Они (европейские народы. – О. Т.) предвидят, / Что из России ледяной / Еще невиданное выйдет / Гигантов племя к ним грозой...». Духовная же сила России, которой справедливо опасаются западные соседи, зиждется на сохранении ею христианских добродетелей: благочестия и отеческой любви: «...Нас отныне Бог избрал / Творить Его святую волю. / За то, что мы матерьялизмом / Не разнастили (так! – О. Т.) разум свой, / Не поглумилися с цинизмом мы над бессмертной душой...» (ОЗ. 1854. № 3–4. Отд. 7. С. 176–177). В финале Майков проводит аналогию между настоящей войной и событиями Отечественной войны 1812 г. и уповает на столь же славную победу. Близкие идеи определяют пьесу Писемского, однако бытовое содержание потребовало иных художественных средств.

Чтобы понять своеобразие «Ветерана и новобранца», необходимо представить себе содержание типических драм на военную тему 1854–1855 гг. («Морской праздник в Севастополе» Н. Кукольника, «За Веру, царя и Отечество» актера «Григорьева 1-го», «Подвиг Ширвинского полка в Турецкую кампанию, драматическое представление» г-жи Свибловой, анонимная «Весть о победах и гость с переводом, драматическое представление в двух действиях»). Редакция

«Отечественных записок» отдавала себе отчет в том, что громкие жанровые подзаголовки – «драматическое представление» – не соответствуют их скромному содержанию, и оговаривалась, что эти пьесы скорее «можно назвать интермедией» (ОЗ. 1854. № 9–10. Отд. 7. С. 119–120). Но, следуя провозглашенной программе, «снисходила даже к произведениям слабым» (Там же).

Драма Кукольника выбрана нами как типическое представление подобного рода по расстановке действующих лиц, настроению финала и общему пафосу – но вместе с тем произведение профессиональное. Театральный рецензент «Отечественных записок» так передает ее фабулу: «У Михаила Петровича, заслуженного генерала..., есть две дочери... Ольгу Михайловну любит... офицер, но старик-отец... не торопится их свадьбою... Между тем он (несостоявшийся жених-офицер. – О. Т.)... должен идти в поход... Однако разлука длится недолго: храбрая эскадра..., уничтожив при Синопе лучшую часть турецкого флота..., возвращается в Севастополь. Вести о славной победе приводят в восторг воина-ветерана...» (ОЗ. 1854. № 9–10. С. 119–120). Отец, как легко догадаться, выдает наконец дочь за возлюбленного при всеобщем ликовании. Популярности пьесы у публики способствовали и прежде невиданные сценические эффекты, в частности, зрительное и слуховое сопровождение Синопского сражения «за сценой».

Таким образом, несмотря на упования «Отечественных записок», для большинства не только любителей, но профессиональных драматургов актуальная патриотическая тема оказалась предлогом оживления интереса к стандартным положениям любовного и авантюрно-бытового водевиля. Война же являлась неким современным аналогом «бога из машины» – счастливым разрешителем личных драм и щекочущего нервы настоящих мужчин риска.

В отличие от массы остальных, Писемский исключает из своей пьесы любовный сюжет. Впрочем, как и увлекательные сцены сражений. Действие разворачивается вдалеке от поля брани, в глубинке, в небогатом помещичьем доме с «ситцевой» мебелью. Здесь, в родовом поместье, проживает с семьей, встречается с бывшим денщиком, соседями и родственником центральное действующее лицо – отставной полковник Отечественной войны 1812 г. Алексей Петрович Лихарев. Он является и резонером, выражая авторское отношение к событиям. «Ветеран» сближает происходящее с войною времен своей молодости: «В двенадцатом году Наполеончик этот, а нынче по стачке идут: точно ведь белены объелись, взелись на нас...». Он, подобно лирическому герою Майкова, убежден в духовном крахе западной цивилизации: «Не будь я <...> полковником царской службы, если мы их (европейских союзников Турции. – О. Т.) не раскатаем на голову – и уйдут они от нас со стыдом и срамом, потому что <...>

бесстыдники и богоотступники...» (ОЗ. 1854. № 9. Отд. 1. С. 110).

Но война готовит «ветерану» еще более страшное испытание. В экспозиционной сцене зритель слышит, как его сын, гимназист-подросток Саша, желая последовать на войну «новобранцем» за двумя старшими братьями, просит Аполлинарию Матвеевну: «Маменька, папеньке не сказывайте, что братцев убили, а скажите, когда я... уеду» (ОЗ. 1854. № 9. Отд. 1. С. 97). Старик, согласившись на выбор младшего сына, до финала остается в неведении о трагической участи старших.

Сам момент получения рокового известия остается за сценой; зритель становится свидетелем, как мать и сын сурово несут свое горе и трагических подозрений отца. Писемский умеет передать горе матери, питающегося поэзией народного причитания. В речи Аполлинарии Матвеевны причудливо смешивается внешняя суровость к супругу («старый хрен») и скрытная нежность по отношению к нему же: «...Духу моего никак не хватает сказать ему... Последнее солнышко из глаз выкатится!» (при трагическом известии. – О. Т.) (Там же. С. 98).

Драматургические концепции Писемского можно с полным основанием сблизить с классической традицией. Как и в более ранних драмах, «Ипохондрик» и «Раздел», в центре художественного анализа оказывается одна главная «страсть» героя. Однако, в отличие от названных драм, в «Ветеране и новобранце» это оказывается страсть благородная – любовь к Отечеству. Как и во всей драматургии Писемского, герой подвергается внутренним искушениям и внешнему давлению. В основе их лежит ни разу не высказанный на протяжении пьесы, но подразумеваемый каждым действующим лицом риск – лишиться последнего ребенка, единственного теперь продолжателя славного рода.

Знавший Лихарева во времена его молодости денщик высказывает убежденность, что отец-герой по своим принципам не может не согласиться отправить на войну младшего сына: «Старик <...> сделает как надо, по-своему». Саша резонно возражает, указывая, что обстоятельства трагически изменились: «Экой ты чудак, Селифантьев!... Оно бы, конечно, сделал, кабы братцев не убили...» (ОЗ. 1854. № 9. С. 101). На то, что роковое известие изменит обычную решимость мужа, надеется Аполлинария Матвеевна: «Храбрится, а полчеловека полчеловека и есть: старый да израненный» (ОЗ. 1854. № 9. С. 99).

В противоположность остальным свояк Власий Матвеевич настаивает на том, что риск на этот раз непозволителен и даже неоправдан: «Если б потребовала того крайняя и неотклонимая необходимость, то пожертвовать всем – и достоянием и жизнью своею; но этого... нет...». Долг перед Отечеством несчастной семьи можно считать полностью выполненным: «...Семейство

ваше <...> отправило свою очередь, ознаменовав свое служение отечеству смертью <...> старших братьев» (ОЗ. 1854. № 9. С. 100). Власий Матвеевич стремится убедить племянника и сестру, что их инициатива отчасти есть проявление гордыни: «Неужели же вы, милостивый государь, думаете, что в одном вас настоящие события вызвали это чувство патриотизма?.. Оно есть общее достояние...» (Там же). Показательно, что аргументов против этого не находится; простодушный Саша апеллирует к Божественному покровительству: «Вам, дяденька, отговаривать и отсоветовать (племяннику идти на войну – О. Т.) грешно» (Там же).

Патриотизм оказывается явлением иррациональным, не находящим логических объяснений, но питающимся общим общественным настроением. Саша говорит о массовости юношеского порыва: «Я, маменька, не один: у нас весь седьмой класс в полки поступает» (ОЗ. 1854. № 9. С. 99). О том же должен свидетельствовать приезд гостя, бедного помещика Макара Макарыча, проводившего на войну семерых сыновей. Риск гибели дворянской династии выступает как незначительный пред лицом подвига, продолжения славных традиций, и юный Саша заявляет матери: «...Я не хочу бесславить имени отца <...>, которого государь знал за храброго офицера, я хочу быть достойным...» (ОЗ. 1854. № 9. Отд. 1. С. 99).

Таким образом, в этой пьесе, как и в последующей драматургии Писемского, «нет виноватых», по наблюдению И. Анненского¹¹, нет поступков как сознательных и обдуманых злодеяний. Есть следствие вошедших в плоть и кровь принципов и склонностей, проверяемых перед лицом «горькой судьбины» – жизненных испытаний, посылаемых каждому «по делам его», будь то опасение за свое здоровье («Ипохондрик»), боязнь лишиться наследства («Раздел») или исторический риск, понятный только для благородных натур.

В финальной (она же кульминационная) сцене страдания матери прорываются в признании: «Убиты, батюшка, Алексей Петрович! убиты наши с тобой красавчики! Не увидим их больше на белом свете» – и ее отчаянной мольбе: «Оставь мне, батюшка, хоть этого-то <...>, не отнимай ты последней радости у меня!» (ОЗ. 1854. № 9. С. 121). Чувства отца выражаются в скупых ремарках: «по щекам... текут слезы», «вздрагивает всем телом и остается несколько минут неподвижным», «медленно встает» и т. п. Но в решающий момент Алексей Петрович остается верен себе. Уповая только на Божью волю, он благословляет Сашу: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Перед несгибаемым характером мужа смиряется и Аполлинария Матвеевна: «(Заливаясь слезами). Я, батюшка, ничего...; я за тебя-то (мужа. – О. Т.) больше боялась. (Благословляет и обнимает сына)» (ОЗ. 1854. № 9. С. 122–123).

Русского патриота, как отмечал и А. Майков, поддерживает любовь к царю и Отечеству. Узнав о смерти старших сыновей, старик произносит:

«Возьми, царь, последнего... У меня уж никого не осталось...» – а также непритворное благочестие: «(Крестится): Царство небесное Петру и Николаю! Поди позови священника в церковь...» (Там же. С. 112–113). Финал пьесы, тем не менее, в отличие от большинства современных ей, минорен: никто не уверен, что последний сын вернется домой.

Пьеса Писемского, поставленная на сцене, когда эйфория первых побед спала, очевидно, оказалась созвучна переживаниям многих. Об этом свидетельствует то, что она не только обрела популярность публики, но и сама спровоцировала подражания. Об этом, сопоставляя театральные постановки Писемского и драму «г. Миллера» с выспренным названием «Подвиг матери», напоминает рецензент «Отечественных записок»: «Читатели наши <...> еще не забыли произведения г. Писемского, которое <...> напечатано в сентябрьской книжке нашего журнала за прошлый год, и содержание пьесы г. Миллера чрезвычайно похоже на “Ветерана и новобранца”» (ОЗ. 1855. № 2. С. 172). Подражатель, взяв за основу чужой сюжет, решил «сыграть» на усилении мелодраматизма. В центре у него оказывается всеобщая «сцена скорби» при получении рокового известия о смерти двух сыновей. Он заменил отца-ветерана матерью, дублировал центрального персонажа (мать) образом убитой горем «молодой жены» одного из погибших, ввел «оставленную невесту» и патетическую сцену прощания с нею последнего из братьев и т. д.. Патетика, однако, как и преувеличенный восторг первых пьес, не встретила понимания публики.

Сопоставление с предшествовавшей и последовавшей драматической беллетристической, при сюжетной и идейной близости, как нам кажется, убеждает в том, что «Ветеран и новобранец»

Писемского оказался выше уровня современных патриотических пьес – по тональности и благородной скупости рисунка.

Пьеса продолжает размышления писателя о природе человеческих страстей. «Ветеран и новобранец» занимает важное место в творческой эволюции его автора, представляя положительный полюс драматургического поиска, позволяет говорить о наличии положительной программы писателя.

Примечания

- 1 Писемский А. Письма / под ред. и комм. М. К. Клемана и А. П. Могиланского. М. ; Л., 1936. С. 72.
- 2 Там же.
- 3 См.: Отечественные записки. 1854. № 9. Отд. 1. С. 122.
- 4 Там же. С. 97–122.
- 5 Писемский А. Указ. соч. С. 73.
- 6 Отечественные записки. 1854. № 1–2. Отд. 7. Петербургские заметки. С. 136. В дальнейшем все ссылки на указанное издание даются в тексте, с указанием года, номера, раздела и страницы.
- 7 Е. <взвешив> Э. <дельсо>н. Отечественные записки. 1854. № 9 и 10 // Москвитянин. 1854. № 22. Кн. 2. Отд. 4. Журналистика. С. 75.
- 8 Там же.
- 9 Опираясь на автобиографические заметки Писемского, исследователи указывали, что под именем «ветерана» Алексея Петровича Лихарева был выведен отец писателя, Феофилакт Гаврилович Писемский. См.: Бочков В. Биограф отца // Бочков В. «Скажи : которая Татьяна...». М., 1981. С. 197–206.
- 10 См.: Moser C. Pisemsky a provincial realist. Cambridge, 1969. P. 27.
- 11 Аннинский И. Три социальных драмы // Аннинский И. Книги отражений. М. ; Л., 1969. С. 52.

УДК821.161.1.09 : 159.922.1

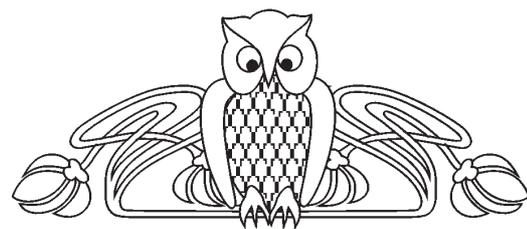
МАТЕРИНСКО-ДОЧЕРНИЙ МЕТАСЮЖЕТ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Н. И. Павлова

Тверской государственный технический университет
E-mail: nadija_80@mail.ru

В статье рассматривается проблема материнско-дочерних отношений как одна из центральных в истории женской литературы. На основе сравнительного анализа произведений писательниц разных историко-литературных эпох выявлены общие закономерности ее репрезентации, знаменательные в аспекте изучения специфики женской литературы и эстетики.

Ключевые слова: материнско-дочерние отношения, образ матери, женская литература, феминистский психоанализ, современная женская проза.

Mother-daughter Meta Plot in Russian Women's Prose

N. I. Pavlova

The article deals with the problem of mothers and daughters relationships as one of the central issues in the history of women's literature. On the basis of the comparative analysis of women's texts of different historic and literary epochs, some general tendencies in its representation are identified, which are important from the point of view of researching women's writing and aesthetics.